

Глава 93. Нежность

Договорились ведь только о том, что Цзян Тан причешет его, но Фу Линцзюнь, словно нарочно капризная, так и не отпустил его руки. С виду ладонь у юноши была тонкая и маленькая, а на деле мягкая-мягкая, чуть пухлая. Фу Линцзюнь начал с мизинца и принялся по очереди тереть и разминать каждый палец, будто мял мягкий кусочек теста.

Цзян Тан: что это ещё за бесстыдство посреди бела дня?!

Но тело у него, конечно, вело себя честнее слов. Раз уж руку поймали, он и не вырывался. Смирно ждал, пока Фу Линцзюнь наиграется со всеми пятью пальцами, и только потом снова протянул ладонь:

— Шпильку.

На этот раз Фу Линцзюнь послушно отдал шпильку и выпрямился на стуле так чинно, что в этом даже мелькнуло что-то трогательно милое.

В прошлый раз причёска обернулась для Цзян Тана полным провалом. И, конечно, дело было вовсе не в его навыках — виноваты были слишком гладкие и слишком густые волосы Фу Линцзюня, с которыми просто невозможно совладать. Но теперь он сделал выводы и не стал пытаться собрать всё сразу. Решил лишь подобрать спереди небольшую часть волос, уложить их наполовину распушенными, наполовину собранными и закрепить сверху шпилькой.

Пальцы его снова заменили гребень и медленно вошли в послушные волосы. Подушечки были мягкими и тёплыми. Когда они неторопливо скользили по коже головы, Фу Линцзюня охватывало тонкое, покалывающее удовольствие. Хотя впереди его ждало сражение, в котором успех был обязателен, в этот миг он ощущал себя на удивление расслабленным, тихим и умиротворённым. Глаза сами собой медленно закрылись, и он просто позволил себе наслаждаться этой редкой минутой тишины и домашнего тепла.

На этот раз Цзян Тан тоже возился долго, но работы было уже почти вдвое меньше, так что и результат получился куда приличнее. Полураспушенные тёмные волосы струились как водопад, а собранная часть, закреплённая деревянной шпилькой, делала Фу Линцзюня похожим на праведного героя из сянся-сериала, от которого так и веяло бессмертной чистотой.

— Готово.

Чудо-босс, смена причёски: прогресс 2 из 100.

Закончив, Цзян Тан специально обошёл стул и встал перед ним, чтобы вволю полюбоваться собственным творением.

Стоило его рукам отстраниться, как Фу Линцзюнь лениво приподнял веки. Перед ним Цзян Тан то наклонял голову в одну сторону, то в другую, в глазах у него искрились восторг и довольство, а всё равно вид оставался такой, будто чего-то не хватает.

— И что не так? — Фу Линцзюнь без всякого беспокойства откинулся на спинку стула. Похоже, испортить ему волосы он не боялся ни капли.

Нет. Нельзя, чтобы великий босс вечно ходил только в чёрном.

Цзян Тан выудил из жемчужины-нахай халат из белоснежной парчи с отливом глазурированного стекла, с узором из переплетённых ветвей сливы, и протянул его Фу Линцзюню:

— Надень... этот. Ладно?

Он уже давно в мыслях наряжал Фу Линцзюня во всевозможные красивые одежды и от этих фантазий только сильнее млел, представляя себе гардероб чудо-босса. В тот день, когда они ходили с Сян Сином за покупками, он накупил ему кучу нарядов — и до сих пор ни один не успел подарить!

Фу Линцзюнь посмотрел на светлый узор сливовых ветвей. Вышивка была неброской — только на полах и манжетах, — но он всё равно чуть нахмурился.

А маленький домосед перед ним тем временем уже копался в жемчужине-нахай, подыскивая пояс. Через некоторое время он нашёл один подходящий — в тон этим самым бледным сливовым ветвям — и тоже протянул его Фу Линцзюню.

— ...Подержи пока у себя.

Фу Линцзюнь не стал отказывать ему в просьбе переодеться в образ «чудо-босса», взял одежду и ушёл за ширму.

А? Подержать? Но как он потом ему его отдаст?

Цзян Тан, прижимая пояс к груди, устроился на стуле и принялся терпеливо ждать.

Дело было днём, и солнечный свет, проходя сквозь окна, ложился на ширму так, что на ней проступал силуэт переодевающегося Фу Линцзюня. Разглядеть толком ничего было невозможно, но этот размытый, смутный контур был до безобразия красив.

Когда он снял верхний халат и перекинул его через край ширмы — было красиво;

когда поправлял полы нижней одежды и чуть склонял голову, а волосы соскальзывали вперёд — было красиво;

когда снимал с ширмы белый парчовый халат с вышитыми ветвями сливы и встряхивал ткань — длинные пальцы и суставы тоже были красивы;

когда уже переоделся и вытягивал длинные волосы из-под воротника — это тоже было красиво...

Как ни посмотри — красиво всё.

Голова Цзян Тана была полна одним только Фу Линцзюнем, и от этого у него чуть ли не слюна подступила ко рту. Он сглотнул.

Переодевался Фу Линцзюнь быстро. Когда он вышел из-за ширмы в этом светлом парчовом халате, стройная, прямая фигура сделала одежду ещё благороднее. И хотя весь облик теперь был кротким, безупречным, почти учёным, в изгибе бровей и уголках глаз всё равно таилось смутное, опасное очарование.

Щеночек, разумеется, опять застыл как вкопанный.

Солнечный свет очерчивал ослепительный силуэт Фу Линцзюня. Цзян Тан долго стоял и таращился, пока наконец не услышал:

— Пояс.

Он пришёл в себя, поспешил к нему и обеими руками протянул пояс.

Но Фу Линцзюнь не взял его. Глубокие, чёрные, как тушь, глаза смотрели прямо на Цзян Тана, ясно давая понять: завяжи сам.

А щеночек уже окончательно утонул в красоте. Более того, впервые в жизни осознав, что стоящий перед ним несравненный красавец — его собственный возлюбленный, он без малейших колебаний врезался Фу Линцзюню в объятия и обнял его за тонкую талию.

Не просто обнял — ещё и потёрся щекой о грудь, жадно втягивая приятный запах, исходивший от него.

— Я... ещё сильнее... тебя люблю, — Цзян Тан так расчувствовался, что чуть не пустил слюну от умиления, и крепко вцепился в своего любимого, не желая отпускать.

Фу Линцзюнь опустил глаза на макушку, уткнувшуюся ему в грудь:

— Только из-за одежды?

Маленькая голова тут же поднялась. Цзян Тан изо всех сил закивал, глаза у него сияли:

— Угу. Красиво!

И будто боясь, что его неправильно поймут, он тут же уточнил:

— Одежда... красивая. Но ты... ещё красивее!

Фу Линцзюнь потрепал его по голове, затем снова опустил взгляд на сложный узор на манжетах.

Презрения в его глазах стало заметно меньше, чем прежде.

Цзян Тан ещё долго довольно висел у него на шее, и только потом наконец вспомнил, что вообще-то собирался завязать ему пояс. Себе-то он сам завязывал одежду кое-как, что уж говорить о другом человеке. Он обвёл поясом талию Фу Линцзюня один раз, потом ещё раз — и окончательно запутался.

Да ещё и поверх верхнего халата.

Фу Линцзюнь вспомнил, как в тот день этот малыш сидел на кровати и не мог толком даже раздеться. В глазах у него мелькнула улыбка. Он забрал пояс из рук Цзян Тана, сам завязал его как надо, а потом взял его за руку.

Они уселись вдвоём на один стул, совсем как самая обычная парочка, греющаяся в мягком солнце и вместе читающая книгу. Если не считать того, что книгой был рунический словарь.

Фу Линцзюнь держал Цзян Тана в кольце рук, наполовину прижимая к себе, и одновременно следил, чтобы тот всё заучивал, и коротко объяснял, как пять видов рун нужно переплестать между собой, чтобы сила получалась ещё выше.

Бедный двоечник Цзян Тан: стоило только выдаться свободной минуте — его тут же тащили учиться. Он негодовал, но молча. Оставалось только слушать как следует.

И всё же, пока он слушал, в голове у него неотвязно вертелась одна мысль: да, из-за особого телосложения Фу Линцзюнь с самого рождения впитывал небесную и земную духовную ци и потому сразу же стал мастером Дао, но суметь уже к семнадцати годам достичь уровня

бессмертного Дао, да ещё и при этом в совершенстве освоить руны и формации — этим одной только выдающейся природной одарённости не объяснишь.

Талант, конечно, позволяет вкладывать вдвое меньше сил и получать вдвое больший результат. Но рождаются все одинаково чистым листом. То, что Фу Линцзюнь сейчас объяснял ему с такой лёгкостью, сам он когда-то наверняка зубрил до изнеможения.

И от этой мысли у Цзян Тана даже прибавилось усердия. Всё-таки, раз у него такой невероятный возлюбленный, ему и самому надо учиться старательнее!

Так они и провели этот короткий, редкий, свободный полдень. Проголодавшись, Цзян Тан просто доставал из жемчужины-нахай что-нибудь поесть. Каждая ячейка там была согрета духовной ци Фу Линцзюня, так что еда оставалась ровно такой, какой её туда положили.

После полудня Е Чжэнвэня куда-то позвали. А спустя ещё немного времени он вбежал обратно и торопливо застучал в дверь напротив.

— Он... тебя... ищет.

Цзян Тан отложил книгу и потянул Фу Линцзюня за рукав.

В голосе того слышалось недовольство:

— Ты хочешь меня выгнать?

Цзян Тан смутился. Кожа на лице у него в последнее время стала толще, и он уже не слишком стеснялся того, что друзья вокруг догадываются об их отношениях. Но вот совместная жизнь... это всё-таки было немного слишком неловко. Он потянул за рукав ещё раз и покачал им:

— Ну пожалуйста?

Но тот даже не дрогнул.

Тогда Цзян Тан посмотрел на его ледяное лицо и вдруг вскинулся на цыпочки.

Поцелуй пришёлся прямо в щёку.

Лёгкий, как пёрышко. Коснулся — и тут же исчез.

— Ну пожалуйста.

Этот поцелуй был как маленькая хитрая ладошка, задевающая сердце, то касаясь, то ускользая. Взгляд Фу Линцзюня потемнел. Щеночек тут же втянул голову в плечи и захотел сбежать, но большая ладонь уже легла ему на затылок, удержала — и ему пришлось поднять лицо навстречу поцелую.

Его поцеловали. Потом ещё слегка втянули губы.

Цзян Тан весь обмяк, стал мягкий, как вата, полуприкрыл глаза — и вдруг на стуле уже никого не было. В следующее мгновение со скрипом распахнулось заднее окно.

Он ушёл.

Обеими руками закрыв пылающее лицо, Цзян Тан сидел одновременно счастливый и смущённый, пока не вспомнил, что Е Чжэнвэнь искал Фу Линцзюня. Тогда он насторожил уши и стал подслушивать, о чём те говорят.

— ...Я уже рекомендовал брата Линя даосскому святому. Не знаю только, согласится ли брат Линь попробовать? — редкий случай: Е Чжэнвэнь говорил без привычной лёгкости, и в голосе его слышалась непривычная тяжесть.

— Раз уж все мы заперты в области Цянькунь, если этот Линь сумеет хоть чем-то помочь, то, конечно, готов разделить с вами беду, — Фу Линцзюнь играл роль безукоризненно. Затем он велел Сян Сину постоять у двери Цзян Тана и вместе с Е Чжэнвэнем ушёл.

Он с самого начала ожидал, что Цзян Чаньюань захочет его видеть.

Битва Небесных Дарований уже на носу. Даосские культиваторы со всех сторон собрались в области Цянькунь, а мастеров рун и формаций здесь было очень мало. Повреждённый телепортационный массив мог починить только он один. Именно этого момента Фу Линцзюнь и ждал — возможности приблизиться к Цзян Чаньюаню, чей сердечный демон вот-вот окончательно выйдет из-под контроля.

Е Чжэнвэнь шёл впереди и без всяких препятствий провёл его в маленький двор, где жил Цзян Чаньюань.

В жилище святого не было ничего кричащего или роскошного. Наоборот — всё было изящно и со вкусом. Пол устилал ковёр цвета зелёного бамбука, и такого же цвета тонкие занавеси ниспадали до самого пола, разделяя комнату на внутреннюю и внешнюю. В прошлый раз, когда он видел это место в зеркале воды, угол оставался пустым. Теперь там стоял стол, а на столе — золотая курильница в виде зверя чилуна. Из неё поднималась тонкая голубоватая струйка дыма, и запах в комнате стоял такой густой, будто им пытались перекрыть какой-то другой аромат.

Будто он скрывал собой нечто ещё.

— Дядя Цзян, это мой друг Линь Шэн, — представил его Е Чжэнвэнь.

Рядом сидел Янь Цунси с мрачным от гнева лицом. Стоило Фу Линцзюню войти, и выражение у него чуть смягчилось.

Янь Цунси был человеком нетерпеливым и сразу же заговорил:

— Я слышал от Чжэнвэня, что ты исключительно сведущ в рунах и формациях, настолько, что даже мастера рун из секты Лянъи признают себя тебе не ровня. Это правда?

Фу Линцзюнь со скромностью ответил:

— Линь не осмелится заранее обещать невозможного. Смогу ли я починить массив и сколько времени это займёт, станет ясно только после того, как я сам его увижу.

— Хорошо. Тогда идём со мной.

Янь Цунси тут же поднялся со стула, сделал несколько широких шагов к выходу, а затем обернулся и бросил Цзян Чаньюаню:

— Чаньюань, оставь это дело мне. Тебе лучше отдохнуть как следует.

Опущенные ресницы Фу Линцзюня скрывали полное равнодушие. Он сидел ровно и спокойно, но в самом его облике чувствовалась какая-то отчуждённость, совершенно чуждая всему окружающему.

Цзян Чаньюань невольно задержал на нём взгляд.

Е Чжэнвэнь, услышав слова Янь Цунси, поспешно потащил Фу Линцзюня за собой. И в тот миг, когда Фу Линцзюнь переступил порог двора, в незаметном для глаза углу несколько бледных струек тумана скользнули к нему, впитались в ладонь — и исчезли.

Цзян Тан всё это время просидел у окна. Сначала солнце ещё ярко светило, потом сгущались сумерки, а он всё ждал возвращения Фу Линцзюня. Зная, что игра уже началась, он даже не дремал, только сидел напряжённый, натянутый, как струна. И лишь глубокой ночью дождался наконец человека, вернувшегося весь в росе.

— Вернулся.

Цзян Тан поспешил ему навстречу, взял за руку и быстро закрыл дверь. Только когда Фу Линцзюнь поставил в комнате барьер, он спросил:

— Что ему... было нужно?

Фу Линцзюнь сел на край стола, достал кисть, обмакнул её в тушь и принялся рисовать на листе бумажного человечка. Пока рисовал, коротко пересказал всё, что происходило днём.

Повреждённый участок рун был слишком велик. Чтобы восстановить массив, сначала нужно было вычислить, каким именно был его первоначальный сложный рисунок. Всех мастеров рун, оставшихся в области Цянькунь, сегодня уже согнали к телепортационному массиву. Они видели повреждения собственными глазами, но, во-первых, никто из них не был мастером высшего уровня, а во-вторых, разрушенная область оказалась слишком большой. Даже если кому-то и удастся восстановить часть рисунка, на это всё равно уйдёт очень много времени.

Фу Линцзюнь, конечно, мог бы всё исправить сам. Но ему нужно было потянуть время.

— Цзян Чанъюань подряд проглотил слишком много нечистых душ. Дольше он не протянет.

Фу Линцзюнь закончил рисунок, отложил кисть и подул на ещё сырую тушь. Бумажный человечек вдруг жутковато оторвался от листа, а потом прямо на глазах у Цзян Тана начал расти, пока не стал размером с обычного человека.

<http://bllate.org/book/17032/1721869>